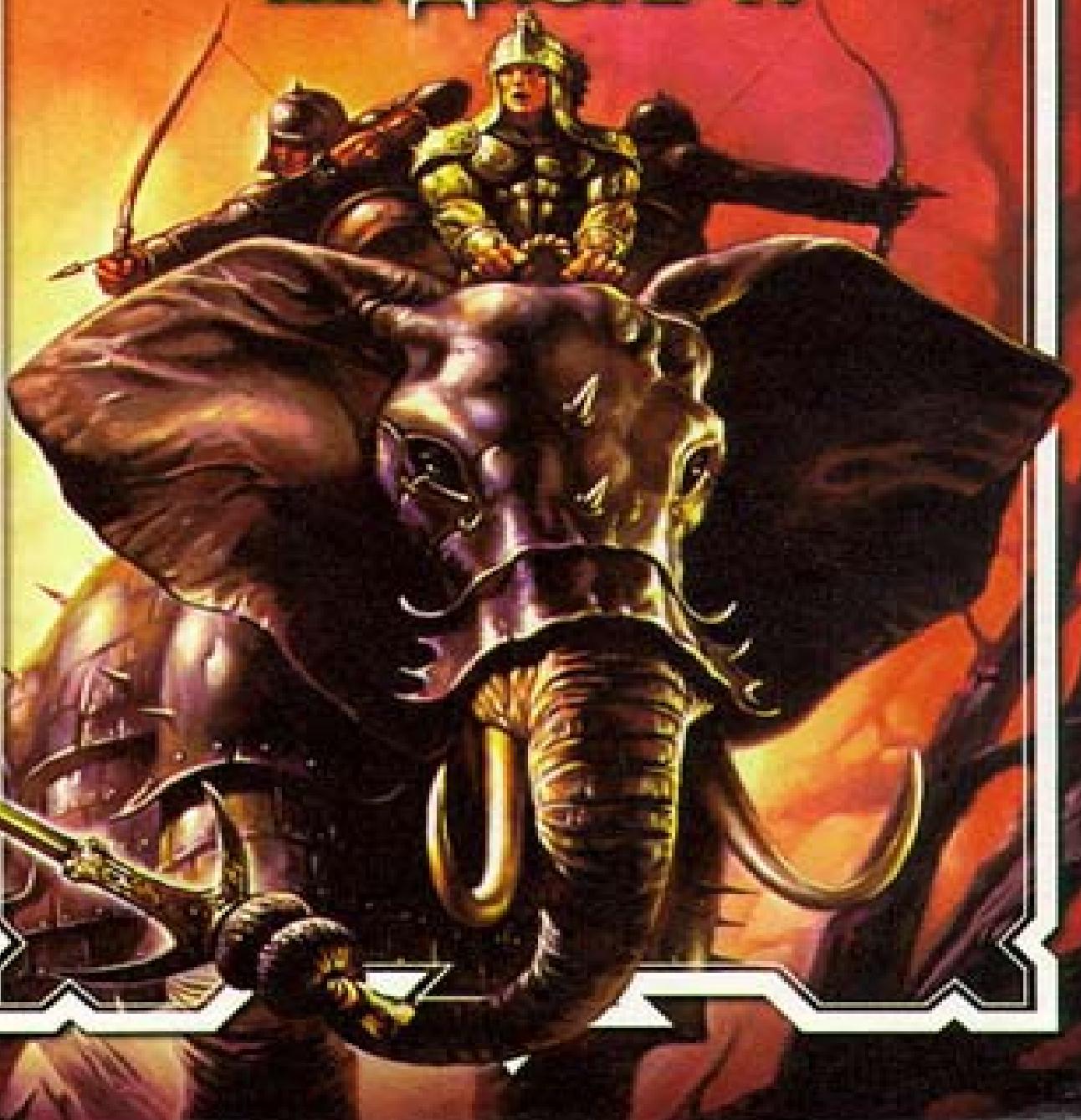

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИЗАРДА

Annotation

Конан-пират тоже терпел кораблекрушения у далеких забытых островов. Но везде есть люди, которым надо помочь, и враги, которых надо победить...

- [Дэррил Уайл](#)
-

Дэррил Уайл

Остров забытых богов

Ураган родился в стылых фьордах Асгарда и медленно начал свой путь на юг, еще не зная, что он — ураган. По дороге он презрительно сыпал на изнеженных южан мелким дождиком и потешался, сбивая людей с ног порывами холодного ветра. И только вырвавшись на простор Великого Западного океана, ураган осознал свою силу — дикую, необузданную — и ударил с лихим свистом в спокойно дышащую сине-зеленую грудь моря. И море откликнулось на дерзкий вызов.

Поверхность океана всталла на дыбы. Огромные водяные валы яростно рванулись в небо. Ветер безумно хохотал и гнал волны, как пастух стадо, в неведомую даль, за потемневший горизонт.

Природа в исступлении рвала себя в клочья. Даже равнодушное ко всему земному солнце не решалось выглянуть из-за низких, иссиня-черных туч: в полдень было почти так же темно, как и в полночь. Мрак отступал только при вспышках молний, чтобы тут же снова сгуститься и рассмеяться громовым раскатом.

И какое дело ветру и взбеленившемуся морю до жалкой щепки, затерявшейся в этой стихии? Еще три дня назад это был трехмачтовый корабль-красавец, со стремительными и смелыми обводами корпуса, высокой кормой и лучшей в мире командой на борту.

Сейчас судно беспомощно металось на обезумевших волнах, то высоко взлетая на гигантских гребнях, срываясь с них и зависая между небом и морем, то проваливаясь в кажущуюся бездонной пропасть, исчезая под черной водой.

Капитаном корабля был Конан из Киммерии. Жителям западной Стигии, Аргоса и Зингары он был известен как Амра-Лев — дерзкий, удачливый и беспощадный пират. Стоя на мостице у штурвала, крепко привязанный веревкой к обломку бизань-мачты, Конан отплевывался от постоянно попадавшей в глотку воды и орал. Вообще-то он пел, и рев капитана порой перекрывал неистовый рев бури. Конан не сошел с ума, как кое-кто из его товарищей. Он пел мрачную и дикую песню, которую поют киммерийцы, идущие на смерть.

Варвар прощался с жизнью и готовился к встрече с суровым Кромом — богом всех киммерийцев. Судно, лишенное мачт, с поврежденным рулем и течью в трюме было обречено. Оставалось только гадать о том, когда корабль пойдет ко дну — через час или два, если боги продлят его агонию. Помощник капитана даже бился об заклад, что их изувеченная посудина продержится на плаву до утра. Пари принять не успели — помощника смыло за борт.

Конан вел небольшую флотилию из пяти боевых кораблей к побережью Шема, когда на них обрушился шторм. Бешеный ветер шутя разметал суда, предоставив каждому из них самому выбираться из круговорти.

Три дня «Вестрела» — так назывался корабль Конана — трепал ураган. Три дня он несся куда-то на запад, где не было и не могло быть никакой земли. Если что-то и утешало, так это то, что они погибнут в местах, где до них не бывал никто из людей.

И все-таки... Все-таки надежда, слабый призрак надежды еще теплился в сердцах измученных моряков. С каким-то остервенением люди боролись со стихией, делая обычную в таких случаях — но казавшуюся сейчас бессмысленной — работу, откачивая воду из

давшего течь трюма. Каждый спрашивал себя: «Зачем?» — и усмехался, не находя ответа. Но, возможно, какой-нибудь остров, маленький клочок земли... Пусть даже это будет голая скала!

Надежда не оправдалась. Стихия, будто возмущенная тем, что искалеченное судно все еще живет, взревела с удесятеренной яростью. Корабль развернуло бортом к волне, и огромная масса воды обрушилась на «Вестрел».

Дубовые доски разлетелись в щепки. Море хлынуло внутрь корабля, и отчаянный крик, вырвавшийся из полусотни надорванных глоток, на мгновение пронзил мрачную и суровую симфонию бури.

Веревка лопнула, словно гнилая нить, — рывок едва не сломал Конану позвоночник. Волна подхватила Конана, и море равнодушно приняло капитана в свои объятия. Киммериец вынырнул на поверхность, глотая воздух широко раскрытым ртом, но лишь для того, чтобы увидеть накатывающуюся на него черную водяную гору, которая через миг поглотила его.

* * *

Ахайну разбудил бойкий перестук топоров. Проснувшись, девушка некоторое время еще нежилась под легким покрывалом, потом проворно соскользнула с низкой лежанки на плотно утрамбованный земляной пол хижины.

Потянувшись всем своим тонким и гибким телом, Ахайна, как была, обнаженной, вошла в общую комнату.

Ее отец Тепаначель — вождь племени и глава рода холков — уже сидел, скрестив ноги, на тростниковой циновке перед глиняной миской с вареной рыбой.

— Долго спиши, дочка, — укоризненно произнес он, с напускной суровостью взглянув на девушку.

Но укоризна звучала только в голосе: взгляд отца был полон нежности. С тех пор как умерла его жена, отец всю любовь отдавал дочери. Ахайна, как это было в обычай у холков, опустилась перед отцом на колени и коснулась лбом его руки. Совершив положенный ритуал, она со счастливым смехом обвила руками шею старого вождя.

— Утренний свет, отец!

— Утренний свет, Ахайна! — Улыбнувшись, Тепаначель погладил ее по длинным шелковистым волосам и легонько отстранил от себя любимицу. — Поспеши, а то все сам съем, тебе не останется.

Ахайна выскочила во двор и на миг застыла, ослепленная солнцем.

— Утренний свет, Ахайна! — приветствовала ее суетящаяся у глиняной печи толстуха Тона, бездетная вдова, живущая в доме Тепаначеля с незапамятных для Ахайны времен. — Сегодня ночью опять земля дрожала.

— Я крепко спала, Тона, и ничего не слышала, — улыбнулась Ахайна. — Да и не такая это причина, чтобы вскакивать посреди ночи.

Землетрясения на острове Рада-Рами были явлением обычным. К ним привыкли — как к морю, реке, джунглям, покрывающим почти весь остров, как к столбу дыма над священной горой Кантомари.

— Ах, что-то неймется в последнее время подземным духам, — покачала головой Тона. — Не было бы худа! Помню, когда я еще волосы не закалывала, так тряхнуло, что все

дома в деревне развалились...

Ахайна не слушала Тону. Наскоро умывшись в ручье, который протекал за домом, она побежала к Отцу Предков.

Идти было недалеко. Дом вождя стоял почти в самом центре поселка, а Отец Предков — огромная, высеченная из красного камня голова — на площади, напротив дома Тепаначеля.

Войдя под сень семи пальм, окружавших каменное изваяние, Ахайна опустилась на колени и привычно, не задумываясь, скороговоркой выпалила утреннюю молитву.

Только после этого она вернулась в дом и оделась. Короткая юбка из тонкого холста, тростниковые сандалии, бусы из ракушек и браслеты из тусклого желтого металла. Все? Ах, еще заколка из панциря черепахи — Ахайна никак не могла к ней привыкнуть, но обычай требовал, чтобы девушка, перешагнувшая рубеж семнадцатилетия, закалывала волосы в знак готовности стать невестой.

Но Ахайна об этом не думала. На нее заглядывались многие парни — конечно, все как на подбор лучшие охотники и рыбаки: рохлям нечего и мечтать жениться на дочери вождя. Ахайна это знала, но в своем простодушии всех поклонников воспринимала лишь как друзей. И никого — как будущего мужа.

Старый Тепаначель не торопил дочь с выбором. Успеется, пусть порезвится еще.

Ахайна ела точно птичка: проглотила кусочек рыбы, запила соком гуавы — уже и сыта.

— Куда собралась, дочка? — спросил Тепаначель, видя, что Ахайна собирается уходить.

— Пойду взгляну, кто меня разбудил, — смеясь, ответила она. — С утра так стучали...

— Я распорядился укрепить частокол вокруг поселка, — объяснил отец. — Уже несколько раз наши охотники видели поблизости Красных.

— Неужели ты думаешь?..

— Нет. У нас договор, освященный взаимными клятвами. Никто не может напасть первым, не вызвав при этом гнева богов. Но осторожность не помешает. Красные не раз нарушили свое слово в прошлом, и мы не должны им доверять.

Ахайна шла по деревне, отвечая на приветствия селян. Подойдя к высокой — в три человеческих роста — двойной ограде из цельных пальмовых стволов, она остановилась, наблюдая за работой мужчин. Впрочем, их дело близилось к концу. Уже были отложены в сторону обсидиановые топоры и деревянные молоты; сейчас мужчины укладывали камни и песок между двумя рядами частокола. Работа шла споро: оставалось засыпать только одно место — как раз возле ворот.

Внимание Ахайны привлек великан, легко, будто перышко, поднявший огромный валун и, казалось, без видимого усилия перебросивший его через ограду. Впрочем, силач, похоже, перестарался. Сидевшие наверху частокола мужчины разразились громким смехом. Как выяснилось, вместо того, чтобы упасть в щель между рядами бревен, камень перелетел частокол и приземлился чуть ли не на голову проходившего мимо человека.

— Непомнящий! — закричала Ахайна.

Великан, смущенно почесывая в затылке, обернулся. Увидев девушку, он широко заулыбался и направился к ней.

— Утренний свет, Ахайна! — Он говорил низким голосом, смешно коверкая слова.

— Утренний свет и тебе! — улыбнулась девушка, пока гигант склонялся, чтобы прикоснуться лбом к ее руке. — Как тебе спалось? Тона мне сказала, что сегодня ночью сильно дрожала земля.

Непомнящий слушал ее, напряженно наморщив лоб, стараясь не упустить ни звука — он

еще плохо владел языком холков.

— Я... спал хорошо, — медленно подбирая слова, ответил он. — Земля дрожала... да. Я перестал спать.

— Проснулся, — поправила Ахайна.

— Проснулся, да, — кивнул Непомнящий. — А ты... проснулась?

— Нет. Я спала очень крепко.

Непомнящий не знал, что еще сказать, только вновь широко улыбнулся и развел руками. Он не был холком, не был он и Красным. Непомнящий вообще не был жителем Рада-Рами. Несколько недель назад море выбросило на песчаный берег недалеко от поселка нагого человека огромного роста, черноволосого, с белой кожей и голубыми, будто небо, глазами... Впрочем, цвет глаз выяснился не сразу, а только через несколько дней — когда они открылись. Эти дни человек провел в беспамятстве. Он метался в горячке, с его губ срывались слова на непонятном языке. Наконец он успокоился и крепко заснул.

Островитяне, глядя на чужака, только диву давались. Могучее тело, перевитое канатами огромных мускулов, само по себе могло вызвать восхищение женщин и почтительное уважение мужчин, к тому же у него росли волосы на лице и на груди. Ничего подобного холки раньше не видели и даже не слышали о таком чуде.

Вождь Тепаначель только покачал головой, взглянув на незнакомца.

— Откуда принесло тебя Великое море? — прошептал он про себя. — Если там, откуда ты родом, все такие... — Тепаначель задумался, вновь покачав головой.

Очнувшись, незнакомец открыл глаза — и как раз в тот момент, когда в хижину, где поместили больного, забежала Ахайна — узнать о его здоровье. Девушка встретилась взглядом с беспомощно лежавшим великаном — и обмерла, будто увидела в светло-синих глазах нечто такое, чему не было названия на языке холков.

Гигант быстро поправлялся. Коренья и травы, отваром которых поила больного Тейра-целительница, помогли могучему организму победить смерть. Великан ел за троих и поглощал неимоверное количество браги. Ахайна пыталась поговорить с ним, сначала прибегнув к старому, как мир, способу — жестам. Очень скоро она стала учить неизвестного языку холков. И тут выяснилось еще одно — гигант ничегошеньки не помнил из своей прошлой жизни, даже имени, не говоря уж о тех местах, откуда он приплыл.

Девушка была страшно разочарована, да и остальные жители поселка тоже. Жизнь на Рада-Рами была тихой и размеренной, и появление удивительного гиганта не давало поселянам покоя. А теперь вот не сбылась ее мечта послушать разные истории.

Очень скоро Непомнящий — так прозвали чужеземца — стал говорить простые фразы на языке холков. Он быстро учился — не только говорить, но и ходить. Огромный сильный мужчина поначалу был беспомощнее ребенка. При ходьбе его шатало, ноги заплетались. Он хотел идти вправо — его вело влево, он садился мимо лежанки и часто, протягивая руку к миске с едой, промахивался. И тогда он ругался — непонятно, но страшно. Ахайна, слыша резкие фразы, невольно ежилась, хотя совершенно не понимала, о чем идет речь. Но постепенно Непомнящий преодолел свой недуг. Походка его стала твердой, хотя до сих пор оставалась чуть медлительной, и предметы он брал уверенно, по крайней мере, брагу мимо рта не проносил. Случались, конечно, и досадные промахи — как вот сейчас с камнем. Но Тейра уверяла, что все это скоро пройдет без следа.

Вскоре Непомнящий стал принимать участие в повседневных работах. Началось все с того, что четверо охотников, поймав на побережье гигантскую морскую черепаху, положили

ее на два копья и, надрываясь, потащили в поселок. Ценная добыча! Черепаха была не меньше трех локтей в ширину, а в длину почти в рост взрослого человека. Непомнящий, гуляя по берегу, увидел измученных, но гордых охотников, понаблюдал за их усилиями, затем подошел и знаками показал, что хочет помочь. Охотники с радостью согласились. Они опустили свою ношу на песок, а когда распрямились, чтобы перевести дух, Непомнящий решительно отстранил их и присел возле черепахи.

Гигант развел руки и, ухватившись за края панциря — кстати сказать, очень скользкого, — рывком поднял огромную тушу над головой. Встал и пошел.

Так они и появились в поселке: впереди — Непомнящий со слабо шевелящейся черепахой на воздетых к небу руках, а за ним — четверка растерянных охотников, право же не самых слабых в племени.

С тех пор он не сидел сложа руки. Непомнящий оказался очень деятельным и неуемным человеком. Кипучая натура не позволяла ему долго находиться в бездействии. Вскапывать поле, чинить дом или, как сегодня, частокол, долбить лодку — ему было все равно. Но Ахайне почему-то казалось, что Непомнящий занимается всем этим лишь потому, что не может занять себя чем-то другим — тем, что он делал до своего появления на Рада-Рами. Часто она видела выражение мрачной неудовлетворенности на его лице. Иногда он застывал на месте, с отрешенным видом смотря то прямо перед собой, то на свои руки, сгибая и разгиная пальцы. Он как будто пытался что-то вспомнить — и не мог.

Ахайну Непомнящий всегда встречал с восторгом, а языку учился с какой-то необъяснимой жадностью. Порой Ахайне казалось, что в устремленных на нее голубых глазах было не только дружеское расположение, а что-то еще, откровенно говоря, пугающее, заставляющее отводить взгляд. И в то же время это «что-то» завораживало. Обычно она чувствовала себя как бы его старшей сестрой, да и он часто вел себя как большой ребенок.

Но иногда ребенок исчезал, и тогда перед Ахайной стоял могучий и гордый мужчина с неукротимым огнем в глазах. Было в нем что-то звериное — не от вепря или ягуара, самых опасных животных на острове, а от неведомых зверей, живущих, должно быть, на далекой родине Непомнящего — огромных, сильных и страшных хищников. Но Ахайна гнала от себя эти мысли.

— Пойдем учиться? Работа почти закончена.

— Нет, — с сожалением покачал головой Непомнящий. — Я идти на охоту.

— На охоту?

— Да, — кивнул он. — Мы идти охотиться на оленей. Талакель, Хапитап и я.

Девушка разочарованно вздохнула. Почему-то ее глубоко уязвили слова Непомнящего. Променять ее на... Она тут же упрекнула себя — все правильно. Мужчина, если он не калека и не глубокий старик, должен быть охотником.

— Удачи тебе. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какой-то печальной. — Тогда до завтра.

— Да. До завтра, — кивнул Непомнящий. — Я принесу тебе печень оленя.

Он улыбнулся и пошел прочь — большой, добродушный человек, которому предстояло научиться убивать. Пока еще только зверей.

Шло время. Непомнящий и думать забыл о своем недуге: теперь он двигался легко и свободно, а на охоте — настолько стремительно и с такой ловкостью, что изумлялись даже опытнейшие охотники. Охоту он полюбил страстно, и копье его не знало промаха. Обычно он охотился вместе с двумя-тремя товарищами, но в последнее время все чаще уходил в джунгли один, иногда пропадая в лесу и горах по несколько дней.

Несмотря на это, Ахайна виделась с Непомнящим, пожалуй, даже чаще, чем раньше, вернее, дольше. Каждая их встреча теперь растягивалась чуть ли не на целый день. Были забыты обычные игры со сверстниками, и старая Тона недовольно ворчала, в одиночку выполняя всю домашнюю работу. Тепаначель хмурился, но пока молчал. А что он мог сказать? Холки давно перестали считать Непомнящего чужаком. Он с легкостью изъяснялся на их языке, правда, с довольно сильным акцентом. Им восхищались как лучшим охотником в поселке. Он построил себе хижину на окраине селения, но вовсе не чурался компаний и мог выпить больше, чем все его товарищи, вместе взятые. Только борода да телосложение выдавали в нем чужеземца.

Но однажды он заслужил всеобщее уважение. Вместе с группой мужчин и женщин Непомнящий отправился в лес расчищать поле под новые огороды. Мужчины валили деревья, корчевали пни, а женщины, многие были с детьми, собирали камни и жгли костры. Работа была в разгаре, когда из леса неожиданно выскоцил огромный ягуар. Опрокидывая растерявшихся людей, пятнистое чудовище гигантскими прыжками устремилось к стайке оставленных без присмотра ребятишек. Непомнящий первым пришел в себя. Он бросился к зверю и схватил ягуара за заднюю лапу. Свирепая кошка и вывернуться не успела, чтобы полоснуть его когтями, как полетела обратно в джунгли, ударила о пальму, упала и больше не двигалась. В тот день в поселке устроили праздник, было выпито море браги, и под конец лишь Непомнящий твердо стоял на ногах.

Как-то под вечер Ахайна нашла Непомнящего сидящим возле Отца Предков, к которому она пришла испросить благословения на ночь. Вид знакомой фигуры рядом с гигантской каменной головой озадачил девушку.

Никогда раньше Непомнящий подолгу не задерживался возле идола. Он вообще был равнодушен к вере островитян, и холки признавали за ним это право.

Вокруг никого не было. В поселке ложились спать рано, и большинство жителей уже посетили Отца Предков и разошлись по своим домам.

Нагая, как в свой первый день рождения, девушка почему-то замедлила шаг. Босые ноги ступали совершенно бесшумно, но стоящий спиной белокожий гигант резко обернулся, когда Ахайна не дошла до него добрый десяток шагов.

— Свет звезд, Ахайна!

— Свет звезд, Непомнящий, — в некотором замешательстве откликнулась девушка, вдруг заметив, что ее друг в набедренной повязке, за которую заткнут обсидиановый нож. Ахайна указала на нее пальцем: — О, Непомнящий, прости, наверное, ты не знал, я тебе не рассказывала, но к Отцу Предков нужно приходить обнаженным. Это грех — прятать свое тело перед взором того, кто видит душу человека.

— Я не думаю, что клочок ткани помешает ему рассмотреть, что у меня в душе! — рассмеялся Непомнящий, но, увидев, как нахмурилась девушка, успокаивающе поднял руку.

— Не сердись, Ахайна! — В мгновение ока он скинул свою одежду. — Я вовсе не хотел обидеть Отца Предков! Ты ведь действительно ничего не рассказывала мне о нем.

Успокоившись, девушка приблизилась к Непомнящему. Тот глядел на нее сверкающими

глазами. О, эти глаза!..

— А кто твой Отец Предков? — преодолевая непонятное ей самой смущение, спросила она.

Девушка, как и все островитяне, была привычна к виду наготы. Однако, скользнув взглядом по телу Непомнящего, она поспешила остановить свой взор на чем-нибудь другом: на каменном лице Отца Предков или на узких пальмовых листьях, едва видимых в темноте.

Гигант в ответ на ее вопрос покачал головой. Лицо его исказилось будто в муке.

— Не помню, — глухо сказал он. — Ничего не помню... Порой мне кажется, что я умер и заново родился — здесь, на этом острове... Что кто-то — уж не Отец ли Предков? — специально сгустил мрак беспамятства над моей прошлой жизнью, которая была, наверное, не слишком праведной. — Он потрогал шрамы на своем лице. — Это милость — ведь трудно начинать новую жизнь, если грехи прежней тяжким грузом лежат на душе. А так... так меня не гнетет.

— Ничего?

— Ничего, — подтвердил Непомнящий. — Кроме желания вспомнить.

— Но зачем? — рассмеялась Ахайна. — Ты ведь называешь потерю памяти милостью. Зачем же пытаться вспомнить прежние грехи? Да и были ли они?

— Иногда меня посещают видения, обычно во сне, — тихо проговорил Непомнящий. — В последнее время все чаще. Они смутные, отрывочные... То я вижу себя в горах — нет, не в горах острова, а где-то очень далеко, где скалы покрыты снегом...

— Чем?

— Я не знаю, как объяснить... Это как белый песок, он холодный и, когда греет солнце, тает, превращаясь в воду. Но в моем сне он таял не от тепла, а от горячей крови. Алье пятна на белом снегу... Вокруг меня лежат тела, а я, воздев свой меч к небу, кричу в диком упоении.

— Какой меч? — пробормотала девушка, невольно отодвигаясь.

— Или я вижу себя в горячих песках, скачущим на огромном черном олене, но без рогов, — не слушая ее, продолжал Непомнящий, он будто грезил наяву. — Со мной — большой отряд таких же наездников... А навстречу нам скачут другие люди... Мы сшибаемся... сражаемся — и снова кровь! На песке, на моих руках, на моем лице! А еще я вижу себя в море, плывущим на большой-большой лодке...

Он резко замолчал и с силой провел рукой по лицу.

— Здесь, в поселке, — продолжил Непомнящий, помолчав, — жизнь легка и спокойна. Я должен быть доволен. И я доволен! Но почему мне хочется порой отбросить копье и схватиться с кабаном голыми руками? Почему мной иногда овладевает безумное желание выйти на лодку в море, когда ревет буря?!

— Ты говоришь странные вещи, — немного испуганная, девушка робко коснулась рукой колена гиганта.

— И все-таки я счастлив, — тихо сказал он. — Я хочу жить и умереть здесь, на Рада-Рами... Жить и умереть рядом с тобой, Ахайна.

Сердце Ахайны замерло, а потом вдруг заколотилось с безумной силой. Словно задохнувшись, девушка стояла, не в силах вымолвить ни слова. Огромные руки, способные запросто переломить хребет дикому кабану, нежно обняли ее хрупкое тело.

— Посмотри мне в глаза, Ахайна.

Не в силах сопротивляться этому голосу, она подняла взгляд. Гигант улыбался.

— Стань моей женой, Ахайна! Ты — дочь вождя, я — чужеземец, но разве я не стал холком? Я хороший охотник, хороший рыбак, я умею работать! Ты не будешь знать нужды. И я люблю тебя! Что еще нужно? Только твое согласие. Любишь ли ты меня, Ахайна?

Казалось, весь мир замер в ожидании ответа.

— Люблю!

И мир засмеялся счастливым, громоподобным смехом огромного чужеземца, роднее которого сейчас не было для Ахайны никого в целом свете.

— А твой отец...

— Он не откажет. У холков принято, чтобы девушка сама выбирала свою судьбу.

Время летело незаметно для них, упоенных своим счастьем.

— Но ты должен пройти обряд Приобщения к нашим предкам...

— Согласен. Только расскажи мне о них. В своих странствиях по острову я часто встречал каменные изваяния: и в непролазных чащах, и в мрачных ущельях, и на берегу океана. Все они тоже изображение Отца?

— Нет, любимый. Это и есть наши предки. А Отец — он один, перед тобой.

— Кто же и когда их поставил?

— Глупый! Их не ставили. Они были живыми — очень, очень давно.

— Расскажи мне.

— Много-много веков назад народ холков жил далеко отсюда, в стороне восходящего солнца, на большом-большом острове. Но в один несчастливый год земля наша раскололась и была затоплена морем. Спаслись немногие... Они сумели на лодках преодолеть океан и приплыть к берегам этого острова, который назвали Рада-Рами — земля Новой Родины. Здесь было вдоволь рыбы и зверя.

На острове жили люди-гиганты. Сначала холки испугались, решив, что хозяева благословленной земли враждебно их встретят, ведь моих соплеменников было так мало... Но великаны были дружелюбны и очень мудры. Они могли и умели многое: управлять погодой, повелевать духами, могли летать. Они заботились о холках, как будто те были малыми детьми, а потом... потом они превратились в камень.

Брови Непомнящего медленно поползли вверх.

— Как это? Почему?

— Я не знаю... Старики говорят, что в тот год, когда наши предки обратились в камень — ты понимаешь теперь, что наше родство не по крови, оно духовное, — на остров с заката приплыли Красные.

— Я слышал о них.

— Это злые и жестокие люди. Они живут на другом конце острова в большом поселке... Так вот, Красные поклоняются Каменному Богу Гараде и приносят человеческие жертвы. Говорят, но это только догадки, что наши предки сразились с этим злым богом и были побеждены. Они бежали, рассеявшись по всему острову, но Каменный Бог их преследовал, настигал и превращал в камни.

— Сказка, — тихо, чтобы не слышала Ахайна, пробормотал Непомнящий.

— Холки к тому времени уже рассеялись по всему острову. Красные нападали на наши деревни, жгли их, а пленных приносили в жертву своему ненасытному божеству. Мы вели с ними долгую войну... Она то затихала, то вспыхивала вновь.

Наконец мы заключили с Красными договор, по которому разделили остров. Люди из разных племен под страхом смерти не могут заходить на чужую территорию.

Воцарился мир, но Красные уже не раз нарушали его. Мы, холки, народ мирный, и нам трудно сражаться с врагом. Обычно мы уходим в леса и устраиваем засады на преследователей, но иногда нападение происходит слишком неожиданно, и тогда...

Девушка замолчала, о чем-то задумавшись. Вокруг царила сонная тишина, только издалека доносился рокот прибоя да тягуче крикнула где-то ночная птица.

Непомнящий привлек Ахайну к себе.

— Смотри, какой красивый камень я нашел в горах, — шепнул он. На его ладони лежал прозрачный голубой камень размером с ноготь большого пальца и с едва приметным отверстием под тонкую нить. — Тебе нравится?

— Очень!

— Возьми, это мой подарок.

Ахайна с благодарностью сжала руку гиганта.

— Его цвет такой же, как цвет твоих глаз...

Непомнящий вдруг резко отстранился и вскинул голову.

— Что случилось? — обеспокоено спросила Ахайна.

— Не знаю, — не сразу ответил гигант. Он продолжал вглядываться в сумрак, скрывающий кроны пальм. — Мне что-то послышалось...

Дрожь пробежала по телу девушки. Неожиданно ею овладело предчувствие беды, необъяснимое, но настолько сильное, что она чуть не закричала — не от испуга, а скорее от обиды. А ведь все было так хорошо! Почему, зачем?! Это несправедливо!

Почувствовав ее напряжение, Непомнящий с ободряющей улыбкой повернулся к любимой.

— Не бойся...

Черная тень упала сверху. Гигант рванулся, срывая с плеч мерзкую тварь, скалящую мелкие острые зубы. Красные глаза чудовища горели ненавистью. Хлопанье кожистых крыльев, пронзительный крик и хруст костей, ломающихся в могучих руках. Тварь бесформенной грудой упала на землю.

— Что это, во имя Крома! — взревел великан. — Что... это? — В горячке он не почувствовал укола и только теперь заметил кровь, струящуюся по плечу.

— Тарги! — закричала Ахайна. — Крылатые псы Красных!

— Красные? — Язык вдруг с трудом стал шевелиться во рту, наполнившемся тягучей слюной, голова закружилась, и, взмахнув руками, гигант рухнул прямо на убитого им тарга. Сознание меркло. Непомнящий уже не слышал ни дикого, торжествующего воя врагов, ни отчаянных криков застигнутых врасплох холков, не видел, как одна за другой вспыхивали тростниковые хижины поселка.

«Во имя Крома... Кром! Кром! Я вспомню тебя...»

* * *

Кто мог — сражался, кто мог — бежал. До последних Красным не было дела. Пусть бегут: добычи и так хватит. Без труда подавив сопротивление холков и рассеяв врагов по лесу, они занялись отловом скрывающихся в поселке людей. И почти без потерь захватили более полутора сотен пленных.

Отряд Красных был небольшим. Не на войну шли — на простой набег. Каменное

божество проголодалось и требовало свежей крови. Много крови — так сказали жрецы.

Предводитель отряда был доволен. Они накормят бога. Легко раненных и обездвиженных ядом таргов пленников быстро и умело связывали: руки за спину, общую веревку на шею, по шесть человек в связке. Остальных Красные добили.

На рассвете враги покинули разоренный поселок. Их ждала долгая дорога через джунгли.

Нужно поспешить, чтобы успеть к Великому празднику. Подгоняя пленных уколами копий, они погнали добычу в лес.

Действие яда прошло не до конца — многие холки шатались как пьяные. Ничего, скоро придут в себя.

Стало припекать солнце, разгоняя туман. Неприметная, запущенная дорога сперва змеилась по краю вулканического плато, поросшего жесткой остролистой травой в человеческий рост. Зеленая равнина, покрытая буйной тропической растительностью, напоминала изумрудный океанский простор в часы мертвого штиля, среди которого одиноко высились островки манговых деревьев.

К полудню ровное плато постепенно превратилось в изрезанное глубокими лощинами холмистое предгорье. Густые заросли травы все чаще уступали место лесистым холмам, которые вскоре перешли в отроги горного хребта, разделившего остров на две половины. Вдали, у кромки горизонта, в кругу вершин пониже высилась гора Кантомари, словно величественный и гордый король в окружении преданной свиты. Горы резко выделялись на фоне раскаленного неба, будто плавники гигантских рыб над поверхностью океана.

Караван с пленниками неожиданно повернулся к востоку и вскоре вступил в широкую, с крутыми склонами долину, где стеной стоял девственный лес. Солнечный свет в избытке проникал под полог леса, пробиваясь между стволами и мясистыми листьями эвкалиптов. Над болотистой поверхностью земли неподвижно висел горячий, влажный воздух.

Колонна замедлила шаг, с усилием продвигаясь сквозь духоту джунглей. Деревья громоздились в несколько ярусов друг над другом, поражая взгляд разнообразием оттенков зеленого, голубого и желтого, экзотической формой крон и пестротой красок порхающих меж ветвей птиц.

Корни исполинских эвкалиптов гигантскими змеями стелились по земле, затрудняя движение. Бамбуковые палки надсмотрщиков без устали поднимались и опускались на голые плечи и спины несчастных пленников, выбивающихся из сил. Лианы обвивали стволы и ветви, словно рукотворные подвесные мосты, соединяя деревья друг с другом на головокружительной высоте. Поверхность земли устилали папоротники и мхи, ярко окрашенные крупные цветки орхидей наполняли воздух дурманящим ароматом.

Чем дальше в джунгли углублялся отряд, тем гуще и плотнее становилась стена подлеска из древовидных папоротников, зарослей бамбука и колючего кустарника. Проводники Красных строго держались тропы, иначе им бы пришлось прорубаться через дикое буйство джунглей.

Несколько часов ходьбы по зарослям сильно измучили пленников и их безжалостных конвоиров. Люди все чаще спотыкались о корни и камни, с трудом переползая через поваленные бурями, полусгнившие стволы исполинских деревьев. Громкие крики невидимых птиц казались им издевательским смехом над тщедушностью людей перед лицом дикой мощи безбрежного тропического леса.

И тут, к облегчению связанных пленников, среди которых было немало детей и женщин,

джунгли внезапно расступились у узкого прохода в ущелье, полого спускающегося к океану. По горловине расщелины, весело звеня на перекатах, бежал игривый ручеек. Идти по каменному дну ущелья стало намного легче, и Красные, не задержавшись ни на минуту, чтобы дать напиться измученным, потянувшимся к воде холкам, криками, копьями и палками заставили пленников ускорить шаг.

Перед закатом караван вышел к северной оконечности прекрасной и тихой голубой лагуны и остановился на ночь под сенью кокосовых пальм на границе золотого песчаного берега. Вымотавшиеся за день невольники, не дожидаясь приказа, повалились на горячий песок. Несколько воинов остались присматривать за группой обессиленных, покрытых кровоточащими царапинами от острых колючек пленников. Остальные Красные разводили костры и разбрелись по берегу в поисках плавника.

Матери безуспешно пытались успокоить уставших и голодных детей, мужчины угрюмо молчали, потупив взоры. Молчал и Непомнящий. Он не знал, куда и зачем их ведут, да и не слишком задавался этим вопросом, совсем не беспокоясь за себя. В душе его клокотала дикая ненависть, связанные руки в ярости сжимались в кулаки. А сердце переполняла тревога за Ахайну. Он знал, что девушка тоже попала в плен, видел мельком ее еще утром. А потом их разлучили — женщины с женщинами, мужчины с мужчинами. Больше он не видел любимой и очень тревожился за нее. Красные безжалостно избавлялись от слабых, и группа пленников за время похода уменьшилась на несколько человек.

Красные подготовили на огне пищу для себя, не спеша перекусили, бросая обедки таргам, и только после этого дали пленникам воды и одну корзину фруктов на всех. Все-таки жертвы должны быть похожи на людей, а не на полуживые скелеты — иначе грозный бог Гарата разгневается и будет снова трясти землю.

Непомнящий съел апельсин и сделал несколько глотков воды. Мысли и чувства мешались и путались. Тот безымянный, который жил в глубине сознания, повергал его в трепетный ужас своей необузданной яростью и кровожадными намерениями. Гнев, бушевавший в груди, пугал Непомнящего, он изо всех сил старался подавить его в себе. Убить олена на охоте, сразиться с хищным ягуаром — пожалуйста, это совсем другое, но отнимать жизнь у людей!.. Только думая об Ахайне, он сумел победить это жуткое нечто, что неохотно ему подчинилось и затихло на время.

На берег лагуны быстро спустилась ночь, будто кто-то очень большой сунул солнце в мешок, и остров сразу погрузился в душный сумрак тропической ночи. На небо выссыпали кажущиеся здесь такими близкими звезды, показалась луна из-за туч, и океан радостно приветствовал восход ночного светила тихим шелестом прилива. Воины Красных и пленники укладывались спать.

Утром их подняли чуть свет и погнали на север, придерживаясь тонкой прибрежной полоски, заливаемой ленивыми волнами, где мокрый песок был плотен и удобен для ходьбы. Душа Непомнящего ликовала, он видел Ахайну — хвала Предкам, она жива и невредима, хотя и выглядела, как надломленная ветка инжира. Он молил небеса об одном только ее взгляде, но девушка не поднимала глаз и была равнодушна ко всему окружающему. А потом он снова потерял ее на долгое время, показавшееся ему целой вечностью.

Они шли весь день, невзирая на усталость и жарко палящее солнце, оставляя за собой бездыханные тела товарищей. С отстающими конвоиры не церемонились, сбивали с ног и закалывали длинными бронзовыми копьями. Останавливались всего один раз, чтобы дать изможденным холкам немного воды и возможность освежить распаленные солнцем тела в

пенной, с песком и тиной прибойной полосе.

Во второй половине дня, обогнув северную оконечность острова, караван с невольниками вышел к большому каньону. Горы здесь выселись, упираясь вершинами в облака, и вплотную подступали к берегу. Исполинский массив Кантомари заслонил собой весь горизонт и окутал полнеба черными клубами дыма, длинными живыми языками стекающего по склонам горы.

Каньон, широкий у берега, сужался, врезаясь в подножие величественной горы.

У моря стояли строения из камня и дерева, а не из бамбука и тростника, как в поселке. Два естественных волнореза — застывших лавовых потока — уходили далеко в океан, приспособленные под причалы для небольших рыбацких суденышек. Зеленые склоны долины были превращены в поля и огороды, ниже которых раскинулись ухоженные и опрятные фруктовые сады, где работали холки-рабы. Наезженная грунтовая дорога вела от моря в глубь каньона и исчезала за невысокой глинобитной стеной.

Пленников погнали по дороге к распахнутым городским воротам, охранявшимся десятком стражников. Сам город лепился к скалистым стенам каньона. На плоских крышах нижних домов, словно зеленые ярусы джунглей, громоздились хижины, воздвигнутые друг на друге. На верхних этажах жилища становились все крохотнее и издали напоминали птичьи гнезда. Вместо окон, дверей и дымоходов в стенах и плоских крышах были пробиты небольшие отверстия. С террасы на террасу вели приставные лестницы, которые в случае нападения на город легко было поднять наверх.

Через ворота, украшенные барельефами чудовищ ужасающего вида, караван вступил на узкие, кривые улочки. Город жил своей жизнью: ревились дети, беззаботно гоняясь по улицам друг за другом, тихо поскрипывали каменные круги гончаров в квартале горшечников, тянуло дымом из плавилен и литейных цехов, отвратительный запах распространялся по городу из сушилен кожевенных мастерских, женщины готовили пищу в полукруглых глинобитных печах, вынесенных во дворы, тут же вручную толкли зерно в ступках.

Но вся эта городская суэта была подчинена какому-то единому порыву, единой непонятной для пленных холков цели, сплотившей тысячи тысяч людей. Город готовился к великому празднику с массовым жертвоприношением, грандиозным пиршеством и гуляньями, в конце которого каждый горожанин ожидал чуда. Лица людей, отмеченные печатью чего-то ужасного, недавно пережитого, светились радостью и потаенной надеждой. Появление колонны невольников на городских улицах приветствовалось ликующими криками и громким рукоплесканием.

Их вели к центру города. Глиняные хижины окраин сменились крепкими каменными особняками с чистыми двориками, небольшими пирамидальными храмами и длинными строениями складов. Улицы стали чище, куры и свиньи уже не расхаживали по ним.

В центре столицы Красных находилась широкая площадь, на которой одиноко возвышался главный храм, посвященный каменному богу Гараде, в виде гигантской ступенчатой пирамиды с плоской площадкой на самой вершине. Только черная громада Кантомари затмевала его своей высотой. Широкие циклопические лестницы спускались от верхней площадки до подножия пирамиды со сторонами в основании не менее трехсот шагов. Какие-то люди в черных мешковатых одеяниях непрерывной вереницей взбирались на открытую всем ветрам площадку храма, сгибаясь под тяжестью вязанок хвороста и дров. Пленные холки, забыв о своем горестном положении, с любопытством озирались вокруг,

пораженные всем этим великолепием. Им, родившимся в тростниковых хижинах и никогда не видевшим каменных стен, невозможно было даже представить существование столь грандиозных сооружений. Город нависал над ними и безжалостно подавлял их воображение, но в то же время приводил в восхищение и трепет.

Непомнящий, хмурясь, смотрел на громаду пирамиды.

«Стигия», — пробормотал он про себя. Слово всплыло из глубин памяти — бессмысленное, ничего не значащее, но гигант вдруг ощутил, что мрак беспамятства на какой-то миг пронзила молния узнавания.

Караван не дошел до площади, а остановился у неприметного желтого здания, напрочь лишенного окон. Командир Красных направился к дверям. На пороге его встретили люди в черном, по-видимому, жрецы, и воин упал на колени прямо в пыль, коснувшись лбом земли у их ног. Один из жрецов начал быстро задавать вопросы. Командир отвечал, оставаясь в этой униженной позе. Жрец, удовлетворившись ответами воина, отпустил его небрежным взмахом руки и трижды громко хлопнул в ладони.

Из глубины здания послышался торопливый топот босых ног, и из дверей посыпались служители в черном, вооруженные широкими бронзовыми кинжалами и длинными, острыми бамбуковыми кольями.

Со знанием дела они без сутолоки разделили пленных — отдельно мужчины, женщины, дети — и загнали их внутрь дома.

Так Непомнящий оказался в огромной тюрьме за деревянной решеткой, среди таких же, как он, обреченных. Заключенных в камере было так много, что люди лежали вповалку друг на друге, задыхаясь от смрада давно немытых тел и собственных нечистот. Жирные крысы безбоязненно с деловым видом сновали по камере, чувствуя себя хозяевами.

К обеду следующего дня, по крайней мере, так считал Непомнящий, стариk холк под наблюдением двух жрецов прикатил в их темницу тележку с бадьей вонючего жидкого рыбного супа и бочкой воды. Стариk скорлупой кокосового ореха наливал в глиняные миски холодный суп и через бамбуковые прутья решетки передавал их в трясущиеся руки заключенных.

— Подходите, дети мои, подходите, — приговаривал он. — И благодарите за милость Отца Предков. Завтра ваши страдания кончатся.

Непомнящий взял миску и сел прямо на грязный пол у решетки.

— О чём это ты говоришь, отец? — спросил он.

Стариk вздрогнул от неожиданности, беспокойно огляделся по сторонам и уставился на него бесцветными подслеповатыми глазами.

— А? Кто ты? Ты не холк... — прошамкал он беззубым ртом.

— Я не знаю, кто я. Но я жил среди холков и полюбил этот народ. Мое имя Непомнящий.

— Странное имя, да... Но раз ты здесь, вместе с холками, то тоже разделишь их судьбу. Завтра священный праздник магулов — день благодарения великого Огненного бога Гарады. Вас всех и многих других принесут в жертву кровожадному божеству. Так решил верховный жрец Зарастеп.

— Магулы — так зовут себя Красные? — спросил Непомнящий из праздного любопытства. Слова старика не произвели на него никакого впечатления.

— Да. Так они себя называют. А город этот — Кафардахат — главный город магулов. Есть и другие, но они не больше наших поселков, да их всего-то три или четыре. Магулов

вообще гораздо меньше, чем нас, холков. Здесь одних рабов столько же, сколько их. А сколько нас еще на Рада-Рами?! Но холки живут в деревушках, разделенных джунглями и горами... Магулы хитры: они делают вид, что признают за нами право на половину острова, заключают договоры, даже торгуют, а сами смеются над нами! Если им нужны рабы или если богу Гараде угодны жертвы — они берут их. Молись, сынок, чтобы смерть твоя была легкой. И да пребудет с тобой благословение Отца Предков. Я тоже за вас помолюсь.

— Я не боюсь смерти. Но все равно, спасибо тебе, отец. Чье имя мне назвать с благодарностью, представ перед ликами Предков в небесном чертоге? — вежливо спросил он, возвращая старику опустевшую миску.

Старец отчего-то невесело захихикал:

— Мы с тобой в чем-то похожи, сынок. У меня тоже нет настоящего имени. Когда я стал рабом при храме, еще в правление старого жреца Тватакунзе, я был несмышленым ребенком и забыл свое имя. Но, повзрослев, сам себе его придумал. Ты первый, кому я его назову. — Старик наклонился к самому его уху и доверительно зашептал: — Амальцтеп. Тебе нравится?

— Красиво. — Непомнящий кивнул. — Спасибо тебе, отец.

— Тебе спасибо, сынок. В твоей душе, и правда, скрыта какая-то сила. Прощай...

Тут надзиратели заметили их разговор и с кулаками набросились на старика. Он подхватил свою тележку и торопливо засеменил к выходу.

Непомнящий злобно поглядел вслед удаляющимся жрецам, и бамбуковая решетка жалобно застонала в могучих руках.

Время для узников остановилось.

Утром их разбудили барабанная дробь и вой бамбуковых свирелей. Захлопали двери, зазвенели ключи, и помещение тюрьмы наполнилось черными жрецами. Они открыли камеры и стали силой, не скучаясь на побои, вытаскивать оттуда сопротивляющихся, будто очнувшихся от сна людей.

Когда Непомнящий оказался на улице, щурясь от нестерпимо палящего солнца, там собралась толпа из полусотни холков в окружении жрецов и хорошо вооруженных воинов, у которых появились и короткие тугие луки. Музыка разносилась с площадки главного храма Гарады по всему городу. Старший среди жрецов отдал короткий приказ, и пленников, точно скот, погнали по улице, украшенной в честь торжества пальмовыми листьями.

Вся площадь перед храмом, утопающим в солнечном свете, была до отказа забита магулами в пестрых праздничных нарядах — сплошное море человеческих голов. В толпе оставались два прохода, вдоль которых цепью стояли воины с копьями и щитами. Храмовые лестницы от подножия до верхней площадки были усыпаны лепестками цветов. Через каждые несколько ступеней стояли либо жрецы в черном, либо сверкающие медными доспехами солдаты в шлемах с пышными пломажами и тяжелыми бронзовыми топорами на плечах.

На верхней площадке пирамиды горело четыре огромных костра, а в самом центре ее высилось грубо вытесанное из камня обезьяноподобное существо с короткими кривыми ножками и огромным брюхом, свисающим до колен. Кровожадная ухмылка кривила жабью пасть чудовища в жутком оскале саблевидных клыков. В маленьких детских ручках зверь держал крохотные фигурки двух людей с искаженными от ужаса лицами. Вокруг идола суетились жрецы, занятые какими-то приготовлениями, там же находился и невидимый снизу оркестр.

Несчастных невольников вытолкали в проходы и под нарастающий рев толпы и громкую дробь барабанов повели к храму. Их скорбный путь усыпали цветами. К ним протягивали руки мужчины и женщины, хотели потрогать, нашептывая какие-то слова, свято веря, что их послания и просьбы скоро достигнут каменного идола вместе с душами его жертв.

Всю Кантомари окутывала плотная дымовая завеса, в которой мелькали огненные всполохи, будто из недр горы по склонам расползались красные ядовитые змеи.

Пленников выгнали на свободное пространство перед храмовой лестницей, оцепленное плотным строем Красных воинов. К ним присоединилась группа женщин, которых привели по второму проходу. Жрецы на площадке пирамиды расступились, давая дорогу молодому мужчине с квадратным лицом и заносчивым жестоким взглядом, облаченному в белоснежные одеяния и золотую островерхую шапку. По толпе прокатился глухой шепоток: «Зарастеп! Зарастеп!»

Жители, все, как один, кроме стражей и мрачных жрецов, повалились на колени, истово колотя лбами о землю. Казалось, весь город собрался на площади, запрудив все прилежащие улицы, кроме центральной, по которой гнали бесконечную вереницу плененных и рабов. Но сейчас все, невзирая на звания и сословия, валялись в пыли, не смея оторвать от земли глаз.

Верховный жрец с минуту наслаждался покорностью толпы, затем величественно возвел руки к небу и торжественно заговорил с народом. Голос его гремел, точно гром, слова железным дождем падали с высоты пирамиды на непокрытые головы охваченных религиозным экстазом маголов. Потом он повернулся к ним спиной, упал на колени и заговорил с безобразным каменным истуканом, моля и упрашивая его о чем-то. Говорил он долго. Слов Непомнящий не понимал и откровенно скучал, страдая под безжалостными лучами солнца.

Но вот Зарастеп закончил свою речь и произнес положенные молитвы. Он поднялся на ноги, и по его сигналу пронзительно засвистели свирели, перекрывая радостные крики толпы. Жрецы подхватили мотив и затянули гимн. Воины выхватили из группы пленников мужчину и женщину и грубо толкнули их на храмовые ступени. Там их приняли жрецы и передали по цепочке выше. А в это время воины уже вели к лестнице следующую пару обреченных на смерть.

Так повторилось несколько раз. И тут Непомнящий увидел Ахайну. Сердце его наполнилось нежностью и теплотой, он рванулся к ней, но стражники преградили ему дорогу. Зато когда подошла его очередь, он не колебался ни секунды и уверенно выступил вперед.

Он шел, не сопротивляясь.

— Ахайна, — только и смог вымолвить он непослушным языком.

Девушка подняла на него безжизненные глаза, и в глубине их мелькнул огонек узнавания.

— Непомнящий... Любимый!

Она бросилась ему на шею на глазах ахнувшей толпы и растерявшихся жрецов. Те быстро пришли в себя и попытались их растащить. Непомнящий с такой силой оттолкнул самого ретивого, что тот отлетел на несколько шагов, сбивая с ног медных воинов. Взяв любимую за руку, гигант пошел вверх по ступеням храма под восторженный рев всего народа. Если люди готовы добровольно принести себя в жертву — это добрый знак. Они поднимались все выше и выше, не видя и не замечая ничего, кроме любящих глаз друг друга. На верхней площадке влюбленные остановились. Перед ними находился низкий залитый

кровью алтарь и бездонный колодец рядом с ним. Верховный жрец Зарастеп, словно высеченная из белого мрамора статуя, стоял у бронзового чана, наполовину заполненного еще трепещущими человеческими сердцами.

К ним бросилось сразу несколько черных жрецов. Один из них грубо схватил Ахайну, сорвал с нее остатки одежды, заметил голубой сапфир на груди девушки и сдернул его с шеи.

Внутри Непомнящего все заклокотало. Как он посмел прикоснуться своими грязными, запятнанными кровью руками к его возлюбленной и его подарку! Дикий зверь, притаившийся в его сердце, с ревом вырвался на свободу, и гигант стремительно шагнул к жрецу.

Никто и глазом моргнуть не успел, как вопящий жрец, ломая кости, сбивая с ног жрецов и воинов, покатился вниз по ступеням. Непомнящий с ужасом смотрел на свои руки.

«Неужели это я только что убил человека?! О, Великий Отец Предков, прости мне этот страшный грех!»

Резкая боль в плече вывела его из оцепенения. Мертвая тишина царила вокруг. Тысячи возмущенных магулов и восхищенных холков, затаив дыхание, смотрели на него снизу вверх. Он увидел искаженное злобой лицо жреца и занесенный для нового удара кинжал, ослепительно полыхнувший в лучах солнечного света. В следующий миг жрец, поскуливая, пополз в сторону, волоча по каменным плитам нелепо повисшую сломанную руку.

Голубые глаза великана вспыхнули мрачным холодным огнем, и заветное, грозное имя вырвалось из могучей груди.

— Кром! — заревел Непомнящий пришедшее из глубин памяти имя.

К нему тянулись кинжалы и копья, и он, презрев смерть, грудью пошел им навстречу, не замечая испуганного взгляда съежившейся у его ног Ахайны и страха в глазах нападавших.

Он двигался с нечеловеческой быстротой. Поднырнув под нацеленные на него копья, Непомнящий схватил закованного в медь воина и резко опустил спиной на свое колено. Послыпался хруст позвоночника. Он отбросил безжизненное тело, словно это был мешок с песком, и один встал против наседающей стаи черных жрецов, поигрывая бронзовым топором. Длинное топорище удобно лежало в руках, тяжесть оружия вселяла уверенность в собственных силах, напомнив ему о чем-то давно позабытом, яростно рвущемся из тьмы забвения.

— Во имя Крома! — закричал он, и от этого крика толпа на площади невольно попятилась. — Сражайтесь, холки! Умрем, как мужчины!

Он ринулся в гущу врагов, слыша за спиной нарастающий шум и истошные крики на площади. Топор в его руках запел губительную песнь, полилась кровь и полетели головы. Жрецы отступали, но гигант наседал на них, круша своим грозным оружием черепа врагов.

Опьяненный схваткой, он не сразу заметил, что рядом с ним бились двое холков, истекающих кровью от бесчисленных ран, но крепко сжимающих копья и полных отчаянной решимости. Все трое сражались храбро и остановились, только когда площадка опустела и не осталось ни одного живого врага.

Непомнящий подошел к краю лестницы. Белая фигурка Зарастепа торопливо прыгала со ступеньки на ступеньку. На площади, заваленной мертвыми телами, шла жестокая битва, где озверевшие холки накинулись на менее многочисленных, но лучше вооруженных магулов. Они рвались вперед, стремясь схватиться с врагом в рукопашную и не дать лучникам себя истребить.

Бывшие рабы готовы были рвать магулов руками и зубами, бросаясь на кинжалы и

копья. Небо было черно от таргов, но бестолковые твари попадали под стрелы хозяев и без счета валились на землю.

Но не вид страшной битвы, не разбегающаяся по улицам толпа мирных горожан приковала пылающий взор Непомнящего.

У причалов на море стояло два больших корабля, и еще один встал на рейде недалеко от берега. Такелаж их был порван, черные приспущеные паруса еще слабо трепетали на ветру, и корабли, словно черные лебеди на тихом пруду, величественно покачивались на лазурных морских волнах. От берега по дороге скорым шагом шли отряды в сверкающих доспехах.

Передовой отряд, сломив беспорядочное сопротивление привратной стражи, уже ворвался за крепостную стену.

И тут он вспомнил все, словно очнулся от долгого сна. Сердце его преисполнилось гордостью, и дух окреп, снова обретя мужество и отвагу воина. Он узнал корабли, узнал людей, плотным строем марширующих по улицам городка, гоня перед собой целую армию магульских солдат.

— Спасибо, Кром! — крикнул он, потрясая окровавленным топором и безудержно хохоча. — Я Конан! Киммериец!

Он подхватил на руки удивленную Ахайну и, смеясь, закружился с ней по жертвенной площадке. И удивление девушки сменилось улыбкой, а потом и она рассмеялась вместе с ним — звонко и счастливо.

— Ахайна! Я вспомнил! Я все вспомнил! Эти корабли с черными парусами — мои! Их у меня было пять — осталось три, но не беда — на них достаточно крепких парней, чтоб разнести этот дрянной городишко.

— Они приплыли за тобой? — Ахайна, будто во сне, прижималась к широкой груди киммерийца, вздрагивая от пережитого ужаса.

— Не думаю! — рассмеялся Конан. — Они, наверно, считают меня погибшим, а сюда попали случайно. Увидели город и решили поживиться. Знаю я их, акульих детей!

У подножия пирамиды еще кипела яростная битва. Она звала к себе киммерийца, как любящая мать заблудившееся в лесу дитя. И где-то там скрылся кровожадный Зарастеп.

— Вперед! — крикнул северянин холкам. — Очистим остров от краснокожих!

Конан бросился вниз, увлекая за собой Ахайну, перепрыгивая сразу через несколько ступеней. Он с ходу врубился во вражеский строй, работая топором, как заправский боссонский дровосек, и оставляя за спиной кровавую просеку. Некоторые холки узнали киммерийца и приветствовали его ликующими воинственными криками. Они набросились на врагов с яростью волчьей стаи и сломили их строй. Битва рассыпалась на отдельные стычки. А со стороны городских ворот нарастал многоголосый вопль отчаяния и шум схватки. К небу потянулись дымки пожаров.

Конан метался среди сражающихся, появляясь то там, то здесь, и всюду, где бы ни возникла его могучая фигура с не знающим пощады бронзовым топором, враги в панике бежали, бросая оружие.

Ахайна с трудом поспевала за киммерийцем. Конан остановился и осмотрел поле боя. Всюду холки держали верх и гнали по улицам Красных. Только у здания тюрьмы, отрезанная от дверей, отчаянно отбивалась горстка жрецов, среди которых мелькал белый балахон. Не раздумывая, киммериец устремился туда.

Заметив его, жрецы застонали от ужаса, но лишь плотнее сомкнули ряды, защищая своими телами вождя. Они бились с яростью диких псов и умирали один за другим с именем

Огненного Бога на устах. И вдруг, перекрывая шум битвы, на всю улицу загремел срывающийся голос верховного жреца.

— Что... Что он говорит? — спросил Конан у побледневшей Ахайны.

Девушка торопливой скороговоркой перевела:

— О, Гарада Всемогущий! К тебе взываю я, великий! Яви свою милость детям твоим. Покарай их врагов!

Дальше шли слова, произнесенные нараспев, которых девушка не понимала. Черные жрецы шатались в стороны, оставив на земле коленопреклоненного верховного жреца, простирающего руки к статуе бога на вершине храма.

— Остановись, Зарастеп! Опомнись! Ты погубишь нас всех, вызвав Необоримого! Как ты мог! О, горе нам, горе! — заголосили они разом.

Один не выдержал и набросился на владыку с кинжалом, за ним кинулись остальные. Белые одеяния Зарастепа мгновенно окрасились алоей кровью.

Но предсмертный зов его был услышан. Громада Кантомари задрожала. По улицам города поползли трещины, дома и храм заходили ходуном. Вершина горы взорвалась, и обжигающая волна горячего воздуха обрушилась на проклятый богами Кафардахат, сметая на пути храмы, дома, сады, людей и таргов.

А вслед за этим на город посыпался пепел и огромные камни. Взрыв уничтожил полгоры, полыхающей столбом огня.

По склонам вулкана стремительно стекали огненные реки раскаленной лавы, грозя вот-вот затопить город. Рушились гигантские пирамиды жилых домов, гибли люди, в панике мечущиеся по улицам. Земля дрожала и уходила у них из-под ног. Чудом уцелевшие тарги обезумели, кидаясь на стены и кусая всех без разбора. Что-то огромное и ужасное заворочалось внутри горы, стремясь выбраться наружу. Вулканические обломки градом сыпались с неба. Всюду слышались стоны и плач.

Конан пришел в себя от потрясения, схватил за руку девушку и со всех ног побежал вниз по улице — к морю, к спасительным кораблям, подальше от этого злого места.

Улицы были завалены камнями и обломками домов, затрудняя движение. Но за городскими воротами киммериец нагнал своих моряков. Все смешалось в невообразимой панике. Люди в страхе бежали из города сплошным потоком: холки рядом с магулами, рабы рядом с хозяевами, вместе — недавние друзья и враги.

Корсары узнавали своего капитана и не могли поверить своим глазам. Но возгласы удивления тонули в страшном грохоте и вое обезумевшей толпы.

И в этот момент раздался еще один взрыв, намного мощнее первого, так что на ногах не устоял никто.

Но люди, подгоняемые слепым ужасом, вставали, кто мог подняться, и бежали дальше, невзирая на падающие с небес камни.

Падая, Конан выпустил руку Ахайны, его слегка задело волной. Голова раскалывалась от острой боли, перед глазами расплывались радужные круги. Он поднялся на ноги, еще плохо соображая, и сразу увидел ее. Девушка неподвижно лежала среди камней и мертвых тел. Конан опустился рядом с ней на колени. Вроде бы не ранена...

«Наверно, просто обморок», — обрадовано подумал он, поднял на руки невесомое тело девушки и на непослушных ногах пошел к берегу моря, чувствуя спиной горячее дыхание огненной лавы.

Конан не помнил, как вместе с десятками холков и Красных попал на корабль, как

лихорадочно работали матросы, обрубая якорные канаты и спешно поднимая паруса. Один лишь раз он посмотрел на удаляющийся берег...

От цветущего Кафардахата не осталось следа, весь остров разваливался на глазах, а над остатками Кантомари ярилось и бушевало исполинское божество — точь-в-точь как изваяние на крыше храма Огненного Бога. Люди на судне неистово молились, взывая о заступничестве к небесам, забыв обо всем на свете и бросив паруса на волю ветра.

Свирепое божество бросалось на берег, словно в погоне за ускользающей жертвой, но каждый раз неведомая сила отбрасывала его назад, будто кто-то в сто крат сильнее запер Гараду в невидимой клетке. Он бросал им вслед целые горы, но камни либо не долетали, либо падали в море далеко в стороне. Чудище топало ногами, и Рада-Рами медленно погружался в океан, увлекая с собой неистовое, злобное божество.

— Это Отец Предков, это он защитил нас, — услышал Конан благоговейный шепот суеверных холков рядом с собой и сразу вспомнил об Ахайне.

Девушка все еще была без сознания. Киммериец неумело попробовал привести ее в чувства, но тщетно.

— Лекаря! — исступленно закричал он. — Лекаря!..

На плечо ему легла чья-то тяжелая рука. Он раздраженно попытался ее стряхнуть, но рука только крепче сжала его плечо. Конан резко вскочил, готовый в клочья разорвать наглеца, глаза киммерийца полыхали от гнева и ничего не видели перед собой.

— Конан! — услышал он знакомый голос, который доносился, будто издалека. — Ты понимаешь меня? Очнись, капитан!

Киммериец помотал головой, прогоняя с глаз пелену.

— Она мертва, Конан. Она была мертва уже тогда, когда ты принес ее на корабль. Смирись с этим, — терпеливо втолковывал ему рыжебородый ван.

— Сигурд?.. Что?! Что ты сказал?!

Конан проглотил подкативший к горлу комок и медленно повернулся к Ахайне. Долго-долго смотрел на ее милое лицо, даже после смерти казавшееся таким живым. Потом устало поднял глаза. И было в этих глазах что-то такое, отчего старый боевой товарищ киммерийца едва не попятился.

Корсары в исступлении вопили, потрясая оружием:

— Конан с нами! Конан! Амра! Конан!

Гигант тяжело, будто с трудом, вдохнул соленый морской воздух.

— Я рад, что ты вернулся. — Сигурд вновь сжал плечо киммерийца, а потом, повинувшись порыву, распахнул медвежьи объятия. — Принимай команду, капитан!

Конан крепко обнял старого друга. Над его головой шелестели черные паруса.